

Елена Мухина
«Рукописи сгорели»

Я- ПАНГАН

10 историй под кожей солнца

Елена Мухина

Я — Панган. 10 историй

под кожей солнца

<https://litres.ru/73269628>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — не путеводитель и не эзотерический роман.

Это живые истории людей, которых однажды выбрал Панган — остров, умеющий слышать, говорить и учить без слов.

Здесь собраны реальные судьбы тех, кто прилетел «на неделю» и остался на годы; кто искал отдых, а нашёл предназначение; кто шёл за любовью, а встретил самого себя. У каждого — свой маршрут, своя боль и своя точка перелома. Но всех объединяет одно: остров, ставший зеркалом, в котором невозможно не увидеть правду.

Панган не обещает ответов.

Он задаёт вопросы.

И если эта книга оказалась у вас в руках — возможно, это не случайно.

Содержание

Елена Мухина	4
От автора	5
Предисловие	11
Глава 1	22
Глава 2	46
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Елена Мухина

Я — Панган. 10 историй

под кожей солнца

Елена Мухина

© Елена Мухина, 2026

© Рукописи сгорели, 2026

ISBN 978-5-521-24830-8

От автора

Иногда место выбирает тебя раньше, чем ты выбираешь его.

Пханган стал для меня именно таким местом. Островом, который умеет обнимать и встряхивать, исцелять и испытывать, растворять тебя в океане и собирать заново. Он – как зеркало, в котором отражается то, что мы обычно стараемся скрыть от самих себя.

В этой книге мы зовём Пханган Панганом. Не потому, что перепутали буквы, а потому, что здесь так говорят почти все. Остров, видимо, давно смирился и даже, кажется, доволен – ведь чем проще имя, тем ближе отношения.

Эта книга появилась из любви и благодарности, из восторга и мягкой грусти, которую невозможно унести в чемодане. Когда мы решили создать её в рамках нашего литературного агентства, нам хотелось рассказать о Пхангане честно – без прикрас, но и без предвзятости. Таким, каким его видят люди, которые здесь жили, любили, ошибались, теряли и находили себя снова. Поэтому в этой книге – десять глав. Некоторые истории и персонажи имеют реальную основу и рассказаны с согласия участников, другие – собирательные образы.

И я тоже вписана в эти страницы.

В 2020 году я впервые приехала на Пханган – и осталась

на полтора года. Мир был закрыт, а остров, наоборот, распахнулся навстречу. Он стал мне домом, учителем, другом и иногда вызовом. Здесь я смеялась и плакала, теряла и находила, здесь во мне что-то ломалось и тут же вырастало заново.

Есть люди, без которых эта книга была бы невозможна.

Моя благодарность – всем, кто делился своими историями, доверял свои переживания и позволял впустить читателя в самые искренние и уязвимые моменты своей жизни.

Юле Чайкиной – за то, что вдохновила меня написать эту книгу, и за то, что настояла на появлении самой трагической главы на ее страницах.

Ольге Соловьёвой – за то, что герои ожили, дышат и движутся в этой книге, благодаря её таланту.

И всей команде «Рукописи Сгорели» – за шесть месяцев, полных вдохновения, терпения, бессонных обсуждений и настоящей творческой магии.

Эта книга – не только про остров.

Она про нас. Про тех, кто когда-то рискнул быть честным с собой. Про тех, кто однажды встретил Пханган и уже не смог остаться прежним.

Я искренне надеюсь, что на каких-то страницах вы почувствуете лёгкое узнавание. Встретите часть своей истории. Возможно, улыбнётесь, задумаетесь, остановитесь. И позво-

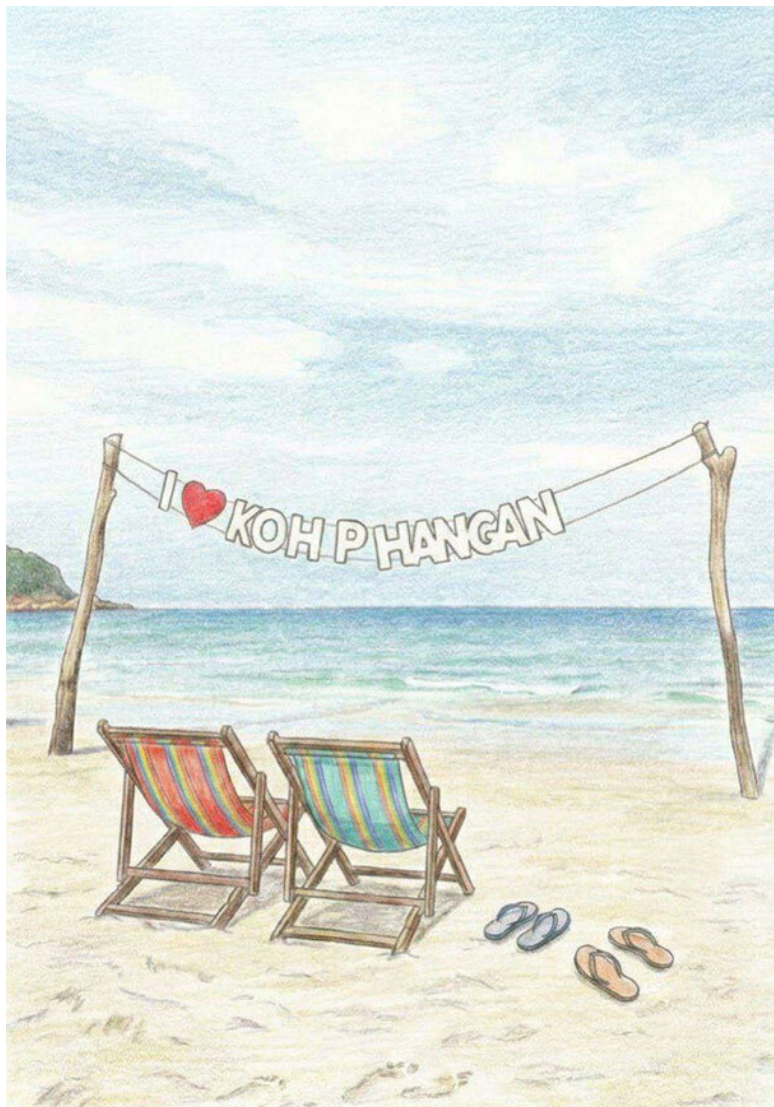
лите себе прожить это маленькое путешествие так же открыто, как прожили его те, кто доверил нам истории своей жизни.

С любовью к Пхангану – Пангану – и людям,

**Елена Мухина, автор книги и основатель
литературного агентства «Рукописи Сгорели»**

<https://rukopisi-sgoreli.ru>

Предисловие

Я уже настолько привык, что люди меня очеловечивают, что в какой-то момент подумал: ну и ладно. Взял – и очеловечился. Не до конца, конечно. Я всё ещё остров. И вы многое знаете обо мне. О моих пляжах – тех самых, которые вы называете самыми уютными в мире, когда ночью купаетесь в светящихся волнах и на минуту становитесь героями «Аватара». О диких обезьянах, без которых дорога до Хаад Рина была бы, признаемся честно, куда скучнее. О рассветах, которые вы встречаете на гидрофойлах, просыпаясь затемно, лишь бы не пропустить тот миг, когда небо становится золотым. И о закатах... В них вы умудряетесь влюбляться сильнее, чем в первую любовь.

И, конечно, истории, такие, что мне бы позавидовал сам Жюль Верн, а возможно, и мистер Стивен Кинг, и уж точно Маркиз де Сад.

Но давай начнем сначала, потому что теперь у меня есть голос. И знаешь, у него отличный тембр, бархатистый, неспешный и немного таинственный, такой же, как восход Луны, который вы наблюдаете с моих восточных пляжей.

Потому что сколько можно слушать:

«Ой, Панган меня не принял...»

«Это Панган так решил...»

«Если остров захочет – всё само случится...»

Ну окей, раз уж вы решили, что у меня есть воля, настроение и даже «третий глаз», – ловите. Теперь я сам расскажу, что и как тут происходит на самом деле.

Позвольте представиться. Я – Панган.

Рождённый ветром и песком. Баюканный Солёным (это мой сосед – океан, он у вас проходит под именем Тихий).

Я появился, если по-вашему считать, около... ну, кто-то говорит – две тысячи лет назад, другие – что в I веке до н. э. Тут, знаешь, вопрос спорный: археологи одно говорят, геологи другое, а я-то вообще вне времени.

Поначалу на мне жили морские цыгане – настоящие пираты, любившие ром, шторм и покой в равной мере. Потом пришли китайцы с Хайнаня – они и осели. Варили кокосовое масло, строили лодки, молились своим богам. А потом... потом появились вы.

Сначала – хиппи. Свободные, лохматые, потрёпанные временем, солнцем и вещества. Потом – тусовщики, те, что приехали «на недельку», а остались на годы. Потом – мамы на ретрите, сбежавшие от мужа, детей и московского метрошного гула. Потом – криптоэнтузиасты, йоги, беглецы, психотерапевты и просто те, у кого в какой-то момент что-то пошло не так.

Вы даже можете услышать обо мне в фильме «Пляж» с Ди Каприо. Правда, там меня упрямо называли К° Паньян – ну ничего, бывает. Многие стремятся попасть в этот безумный рай, который вы, люди, называете свободой... пока однажды

не понимаете, что свобода – это совсем не отпуск.

И вот уже каждый второй думает, что я могу его исцелить. Как будто я – не остров, а служба поддержки.

Ладно. Иногда я действительно лечу. Иногда – ломаю. Но всегда по делу. Я не оперирую понятиями «плохо» и «хорошо». Я просто даю. Каждый получает то, за чем приехал, – даже если думал, что приехал совсем за другим.

И чтобы ты понял, с кем вообще связался, расскажу пару своих легенд. Не тех, что в путеводителях, а живых, дышащих – тех, что до сих пор шепчет ветер на моих холмах.

Говорят, я стою на гигантском розовом кварце. Целый остров – на камне любви. Может, поэтому у вас здесь так часто кружится голова, сердце скачет, а одни пары сходятся, другие – расходятся с фейерверком. Это не мистика, это геология с чувством. Розовый кварц вытаскивает наружу всё, что вы привыкли прятать: тоску, нежность, старую боль. Одних он доводит до просветления, других – до слёз, а кого-то заставляет танцевать голышом под дождём. Всё честно, всё по любви.

Вторая легенда – королевская история. Рама V, один из самых уважаемых правителей Таиланда, приезжал ко мне десятки раз. Он любил Тан Садет – мой водопад, чистый и упрямый, как я сам. Купался в нём, пил мою воду, оставлял надписи на камнях и называл это место «королевским потоком». Император Николай II даже подарил Раме V оленей – бронзовых, величественных. Они до сих пор стоят здесь и

охраняют мою память. С тех пор я особенно нежно отношусь к русским: они, как и я, умеют быть драматичными и красивыми одновременно.

Третья легенда – о храме. Когда-то в рыбацкой деревне Чалоклам одной женщине приснился дух. Настоящий – не после камбо, не после ретрита. Он велел ей построить маяк, чтобы моряки не теряли путь. Но люди принесли столько пожертвований, что вместо маяка вырос храм богини милосердия – Гуаньинь. Белая, сияющая, с сотней рук, словно созданных, чтобы прижать к себе всех потерянных. Здесь его знают просто как Китайский храм. Сюда приходят йоги, шаманы, мастера со всего света. Пахнет благовониями, солёным ветром и манговым воском. А с верхней площадки открывается вид, от которого даже скептики замолкают. Кажется, будто море дышит вместе с тобой.

И всё же мои легенды – это только верхний слой. Самое интересное начинается дальше, в историях людей, которые однажды ступили на мой берег и почему-то больше не смогли уйти.

Нет, не все истории волшебные. Некоторые – грустные. Некоторые – дикие, как ночной Иден. Некоторые – тихие, как чай на склоне Тонг Най Пан Ной.

Но все эти истории – настоящие. И все они – про меня. Про то, как я живу в людях, а люди – во мне. Я ведь не человек – у меня нет рук, чтобы писать, и нет рта, чтобы говорить. Только дыхание ветра, шум прибоя и голоса тех, кто

слышит чуть глубже, чем ушами.

Так вот, однажды я понял: если люди всё равно приписывают мне характер, настроение и даже карму – значит, пора заговорить по-настоящему. Но как? Я же остров. Как я могу рассказать истории? Как передать всё это – жару, дождь, свет, боль, любовь, рождение и утраты – словами? Мне нужен был помощник. Кто-то, кто чувствует. Кто умеет слышать паузы, ловить смысл между строк, писать не ради лайков, а ради правды.

И я выбрал её. Не потому, что она идеальна, – а потому, что у неё сердце открыто. В феврале 2020 года она еще не знала, что я для нее уготовил... и какой путь ей предстоит пройти, но ведь всё, что с нами происходит, ведёт нас к тому, о чем мы просили, не так ли?

Она вообще собиралась в другую сторону – в Мексику. Чемодан собран, билет куплен, трёхмесячный курс по изучению испанского успешно закончен, в телефоне заметка: «новая жизнь – новая я». Но на пересадке в Стамбуле что-то пошло не так. Сотрудник аэропорта, глядя в паспорт, нахмурился и спокойно произнёс:

– Ваша виза недействительна.

Она попыталась объяснить, показать документы, доказать, что всё в порядке, но у аэропортов своя логика – бездушная и беспощадная. Виза была действительна, только где-то, «по случайности», произошла ошибка.

Она облокотилась о стенку, закрыла лицо руками, не веря,

что её мечта рассыпается прямо под ногами просто потому, что новый сотрудник Turkish Airlines перепутал правила визового режима. После недели мытарств, ночевок в аэропорту Стамбула, обивания порогов консульств и бессмысленных попыток что-то доказать она сдалась, открыла сайт авиакомпаний и купила первый попавшийся билет – в Бангкок. Не потому, что очень любила Таиланд, она вообще там не была, а потому, что в момент, когда она смотрела билеты на завтрашний день, самым дешевым из прямых был рейс «Стамбул – Бангкок» и, совершенно случайно, в этот момент мимо проходил мужчина, который очень живо и по-русски рассказывал своему другу о волшебном острове Панган в Тае, на котором должен побывать каждый, кто хочет познать себя.

Она не понимала, зачем вообще сюда прилетела, – всё вокруг было шумным, пёстрым, чужим. Через три дня она вспомнила про Панган и, чтобы сменить обстановку, купила билет на поезд и после на паром до Пангана.

Любовь с первого шага.

Такое бывает – когда ступаешь на землю, и она будто узнаёт тебя. Воздух стал мягче, свет – теплее, а внутри вдруг всё стихло. Я словно выдохнул ей навстречу.

На следующий день, гуляя без цели, она зашла в маленькое кафе у дороги. Хозяйка гладила кота, из колонок звучала музыка – медленная, как дыхание океана. Там она познакомилась с ребятами, которые «приехали на месяц» и остались на три года. Они пили какао, смеялись, рассказывали

истории про закаты и внезапные откровения. И в какой-то момент она поняла: бежать больше некуда – потому что уже пришла туда, куда так давно звало ее «сердце».

А потом грянул ковид. Март 2020-го. Мир перевернулся за неделю. Самолёты остановились, границы закрылись, и я оставил её у себя. Полтора года – достаточно, чтобы перестать бежать и начать слышать. Меня. Себя. Жизнь.

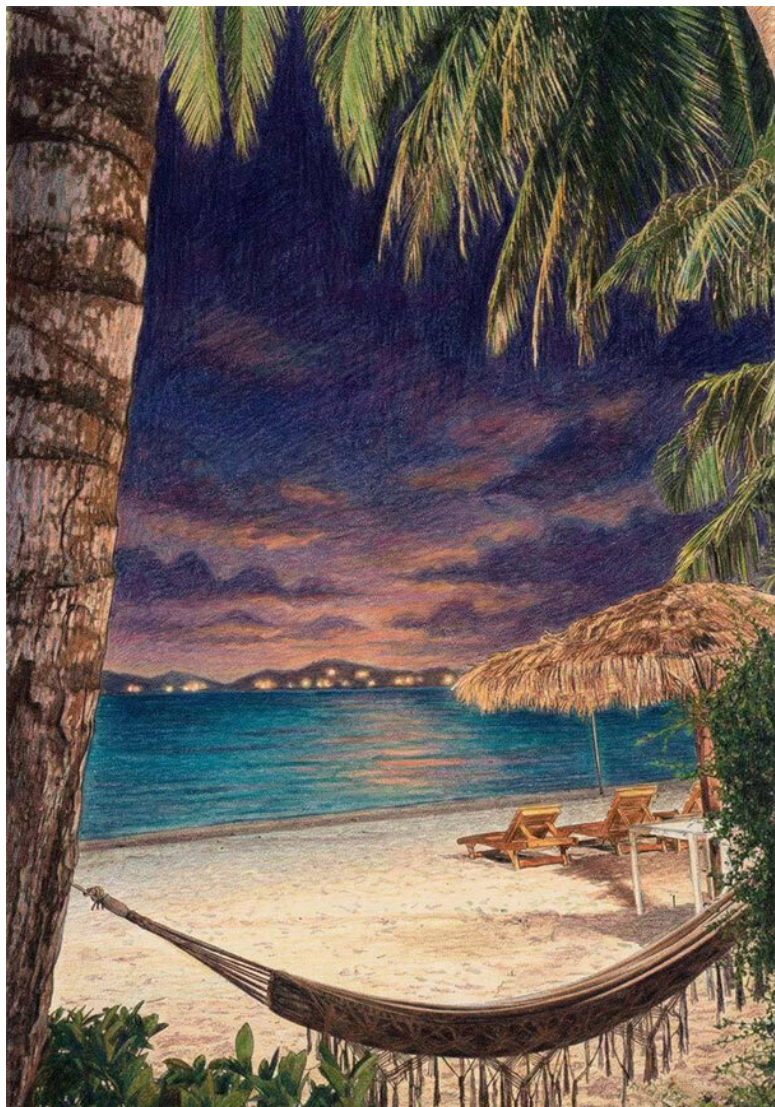
Так что теперь, если ты спрашиваешь, кто всё это пишет, – это мы вдвоём. Я – остров. Она – мои руки и голос.

Хочешь знать, что я думаю про свободу, любовь, вечеринки, шаманов, мам с четырьмя детьми, бомжей, просветлённых и тех, кто ищет себя?

Тогда оставайся.

Снимай сандалии.

Мы начинаем.

Глава 1

Если ты хоть раз добирался до меня, значит, ты знаешь, как выглядят паромы, потому что аэропорта на мне нет. Можно сказать, что это фильтр. Второй фильтр, Тонг Сала, – мой шумный, немного лохматый, но очень настоящий вход. Тут пахнет жареным, пыльным, бензиновым и сразу – каким-то детским предвкушением. Впереди свобода, а пока – моторы рычат, макашницы дымят, чемоданы скачут по лужам и кто-то уже успел потерять тапок, паспорт и голову. Особенно голову.

Это не открытка с пальмой на фоне заката. Это мой реалисти-чек. Всё по-честному: жарко, липко, громко, но зато живо. На пирсе не утаишь, кто ты. Или пройдёшь насквозь, как будто заново родишься, – или сбежишь обратно на паром, пока не поздно. У меня не бывает третьего.

Местные тайцы зовут Тонг Салу городом. Но его сложно таковым назвать, у меня на целой площади острова в высокий сезон-то набирается не более пятидесяти тысяч человек, а местных и вовсе тысяч десять-двенадцать, поэтому Тонг Сала – это моя небольшая часть, можно сказать – район. Для меня это – мой пупок, узел, связка со всем остальным миром. И характер у него нелёгкий: уставший, шумный, слишком информированный и при этом не всегда доброжелательный. Его задача – не встречать объятиями, а отсеивать. Тех,

кто ждал золотых пляжей сразу у пирса, он тут же кидает в стресс, а тех, кто приехал искать, – наоборот, в интерес.

У этого пупка есть всё нужное: банкоматы, байки, уличная лапша за тридцать бат, футболки с надписью Full Moon, французские багеты и даже греческая запеканка. Но нытиков Тонг Сала не терпит. Скажи вслух: «Фу, грязно, где пальмы?» – и он на тебя так посмотрит, что у тебя Wi-Fi отвалится, банкомат съест карту, а байк заведётся только с пятого пинка.

Пляж? Ну, технически он есть. Но это скорее старое полотенце: вроде можно использовать, но ложиться не тянет. Берег в бетоне, отливы такие, что вода уходит за горизонт, а вместо морских звёзд в песке – лодочные моторы и ржавые канистры. И всё же в этом есть своя правда. Для тех, кто влюбляется не в глянец, а в подноготную. Для тех, кто умеет сидеть на пирсе, жевать банановый блин с нутеллой и смотреть, как собака дремлет прямо посреди дороги, а байки объезжают её, будто она здесь королева.

Тонг Сала – это узел моих историй. Здесь едят руками и спорят о биткойне, тут же сдают анализы в госпитале и сразу после берут пищу на вынос, арендуют байк и теряют документы, встречаются любовь и понимают, что рубли тут никому не нужны. Здесь живут те, кто приехал на три дня и остался на три года.

Я жил себе как обычно. Лежал в солёной дымке, чуть покачиваясь на волнах и не вмешиваясь ни во что. Пыльные

байки проносились по дороге с шумом, будто у каждого была срочная встреча с просветлением. Прибывающие туристы на «рашн/френч/иврит-инглише» бронировали себе последние места к местным шаманам, пока кто-то в кафе «Дотс» обсуждал новый «детокс-ретрит» – с орешками, но без глютена. Девочки с горящими глазами фотографировали закат, и каждая думала, что именно её кадр попадёт в галерею мира. В общем, всё шло своим чередом. Я не спорил, не вмешивался, лишь дышал – пальмами, лужами после дождя, жаром с крыш и сладким запахом манго, упавшего на землю.

Где-то между супом том-ям и ритуалом чаек на рассвете я начал замечать: стал грязнеть. Не от жадности – от людской торопливости. Пакеты, салфетки, пустые бутылки – всё оставлялось как бы случайно. Один уронил, другой сделал вид, что не видел, третий притоптал. И вроде бы не злился я, нет, но внутри шуршало – как фантик под кустом.

И вдруг – он.

Денис

Высокий, худой, в зелёной футболке, которая выцвела от солнца, но всё ещё пахла каким-то порошком, а не тайской пылью. Он не торопился. Он вообще не шёл – он как будто слушал дорогу, а не двигался по ней. И вот в этом ритме, почти вальсируя, он нагнулся и поднял бумажку.

Сотни прошли до него, десятки ступили на эту бумажку,

затоптали, проигнорировали, перепрыгнули, как будто она была невидимой. А он – увидел. Поднял. И не потому, что камера где-то или кто-то смотрит. Потому, что захотел.

Я замер и тоже захотел – узнать, кто он? Откуда? Что ищет?

Позже я узнал его имя – Денис. Простое, как чашка керамического чая в старой чайной, без ручки, с трещинкой. Я не знал, зачем он приехал. Может, чтобы забыть, а может – чтобы вспомнить. Но я очень хотел узнать.

И не успел. Он уехал. Исчез – как вспышка солнца между пальмами. Я смотрел вслед, сжимая вечернюю зарю, как письмо без адресата. Хотел опрокинуться дождём, чтобы остановить байк, промочить дорогу, попросить остаться. Но не стал. Подождал. А вдруг?

И это «вдруг» случилось.

Мы и правда встретились – через десять месяцев. Денис вернулся после долгого душевного паломничества. Хотя сам он скромно называл это «кругосветкой». Я слушал его разговор с кем-то в кафе, а мои пальмы, как антенны, тянулись к каждому слову. В Индии он пробирался сквозь хаос улиц, где рикши гремят так, что даже мои цикады позавидовали бы. В Непале ночевал на крыше ашрама и дышал воздухом, таким прозрачным, что казалось, он звенит. А потом был тот самый момент, от которого я даже ревниво замолчал: он оказался на лекции далай-ламы.

«Там было так тихо, – говорил Денис, – будто сама Все-

ленная перестала шевелиться. И в этой тишине я впервые услышал себя».

Я слушал и думал: вот зараза. Даже мне, Пангану, стало немного завидно. Я тоже бы хотел далай-ламу у себя в гостях. Чтобы он сидел на моём песке, смотрел, как солнце падает в Сиамский залив, и пил чай из кокоса. Честно, я представил это и чуть не рассмеялся от собственной мечты.

Но, может, именно поэтому Денис и вернулся ко мне. Чтобы проверить, правда ли моя энергетика ничуть не слабее той, что он нашёл там, в горах.

Ещё я многое узнал о Москве. Не потому, что хотел, – просто Денис иногда рассказывал, и я, конечно, подслушивал. Жуть. Он работал в журналистике, потом в пиаре, крутился в офисной карусели, где всё по графику: совещания, письма, звонки, встречи, дедлайны. Рубашки всегда выглажены, рюкзак за спиной – будто прирос. В голове шесть проектов одновременно.

Денис был из тех, кто может встать в четыре утра ради пресс-релиза и потом заснуть стоя в метро, не выпуская из головы чужие бренды и смыслы. Москва в нём звенела как натянутая струна: дрожит, но не даёт чистой ноты. Вроде и успех, и движение, и востребованность. Только вот себя в этом почти не было.

Я слушал всё это и понимал – я бы так не смог. Я слишком свободный для такой жизни, я не умею жить по календарю совещаний. У меня закаты не по расписанию, приливы

не согласованы через Outlook. И, наверное, именно поэтому мы с Денисом совпали: он устал от своей натянутой струны, а я готов был подарить ему другую музыку – медленную, настоящую, в ритме ветра и волн.

Ну ладно, хватит мне тут умничать и подстраиваться под ваши московские вибрации. С этого места я решил: всё, ухожу в тень, дальше буду только наблюдать. История Дениса сейчас будет сама говорить за себя.

Денис не сразу нашёл свой дом. Сначала были байк, пыльные дороги и бесконечные остановки у табличек «For Rent», за которыми чаще всего прятались то сырые бетонные коробки с плесенью на потолке, то непонятные кукольные теремки, в которых и дышать-то страшно, чтобы не нарушить дизайнерскую симфонию из бамбука, слоников и золотых подставок под Будду.

Он заходил в дома, где пахло старым кондиционером, скользил взглядом по идеально вылизанным кафелям, заглядывал в холодильники, которые никогда не видели манго, и всё никак не мог найти то самое место. В одном доме стены блестели, как зубы в рекламе отбеливания, но даже улыбаться там не хотелось. В другом – искусственные цветы, ровные, как манекены, и такие же бессмысленные. Денис постоял, посмотрел на них, развернулся и пошёл дальше, даже не попрощавшись. Он хотел дом, а не фотозону.

Иногда он сам с собой шутил: «Ещё один такой интерьер – и я начну разговаривать с буддами из гипса». Пару раз Де-

нис почти сдался, особенно когда на закате возвращался на байке вдоль пляжа, а солнце било в глаза так, что казалось – оно смеётся над его наивной затеей. Он и сам смеялся: «Ну ладно, не сегодня так завтра найду. Или через год. Или вообще уйду жить в гамак». В гамак, кстати, он уже примерялся – дважды.

И вот, как это обычно бывает, когда отпускаешь ожидания, появляется что-то настоящее.

Дом оказался на Бантае. Да, том самом. Район, где жизнь не спит даже под утро, где на каждой улице бар, а фуллмун-щики продолжают вечеринку, будто полнолуние у них триста шестьдесят пять дней в году. Здесь пахнет солью, пивом, жареными бананами и свободой, а йогов ты не встретишь – они все сбежали в Шри-Тану, искать тишину и смысл жизни.

Бантай – территория тусовщиков, ди-джеев, танцоров, людей, жаждущих свободы. Днём тут чинят байки, ночью – обсуждают смыслы под громкую музыку и обещают «завтра точно уехать».

Но если свернуть с главной улицы и подняться чуть выше в гору, мир вдруг меняется. Шум глохнет, ветер становится мягче, и вместо барных вывесок появляется зелень, будто остров предлагает передышку тем, кто устал от огней. Там, среди манговых деревьев и потрёпанных временем бунгало, и стоял тот дом.

Денис прошёлся по двору босиком, тронул ладонью дерево у входа – и что-то в нём шепнуло:

«Вот это – оно».

Дом был простым, деревянным, с облупленным крыльцом и странным краном на кухне, который шумел по ночам, как пьяный сверчок. Но окна выходили на зелень, а ветер заходил в гости без стука. Ни идеального интерьера, ни ярких подушек в стиле «бохо-шик», зато расположение – шикарное. С одной стороны – джунгли, густые, как мысли, которые никто не торопит. С другой – море, ровное и спокойное, будто выдох, а сзади – монастырь Ват Као Там, который стоит на холме и смотрит на всё это мягким, но внимательным взглядом.

Следующее утро началось с прогулки. Денис взял бутылку воды, платок на плечо и пошёл вверх по тропинке к храму. Был полдень, но облака прикрывали небо, и жар не давил, а только слегка тянул к земле. Он шёл медленно, не думая ни о чём конкретном. На входе он снял сандалии, прикрыл плечи и, ступая босиком по прохладным плитам, вошёл внутрь.

Во дворе сидел монах, маленький, почти прозрачный, с глазами цвета тёплого чая. Он кивнул Денису, но ничего не сказал. Там вообще никто не говорил. Все сидели: кто-то в позе лотоса, кто-то прислонившись к колонне, кто-то смотрел вдаль, как будто там, за границей деревьев, было что-то важное. И Денис – впервые за долгое время – не почувствовал, что должен что-то сказать или объяснить.

Денис медленно вдохнул – в воздухе пахло шалфеем, пылью, сухими листьями и чем-то ещё, едва уловимым, как дет-

ское воспоминание.

– Первый раз тут? – голос прозвучал сбоку, с хрипотцой, но дружелюбно. Фраза была на английском с жутким акцентом «тай-инглиша», но Денис его понимал.

На скамье, недалеко от монаха, сидел пожилой таец, в потрепанном сером халате, с деревянными чётками в пальцах и глазами как у старой собаки, – внимательными, уставшими, добрыми.

– Да, – кивнул Денис. – Только вчера заехал.

– А дом уже нашёл?

– Нашёл. Или, может, он меня нашёл, – усмехнулся Денис.

Старик кивнул, будто слышал не только слова, но и подтекст.

– Значит, остаться хочешь. Панган – он только таких и оставляет.

– Таких – это каких?

– Кто умеет слушать.

Он сделал паузу и добавил:

– А ты умеешь?

Денис не ответил, но сел рядом.

Через минуту подошла девушка. Русая, с татуировкой звезды на щиколотке и с бутылкой воды в руке. И на хорошем английском спросила у всех присутствующих:

– Простите, вы не знаете, когда будет медитация?

– В четыре. Но может и не быть, если дождь. Или если душа не просит, – сказал старик, и девушка растерялась.

– Душа?.. Это типа расписания?

– Тут у всего расписание – по внутреннему звонку, – вмешался Денис, и они оба рассмеялись.

Позже они с девушкой познакомились, её звали Лиз.

– Я думала, что приеду на Панган, и он сразу начнёт меня лечить, – говорила Лиз, глядя вдаль. – А он...

– Он даёт тишину, а ты уже сама решаешь, чем её заполнить, – ответил Денис.

– Слушай, ты всегда так говоришь, или это с островом началось?

– Я вообще пиарщик из Москвы, – рассмеялся Денис. – Умел говорить обо всём, но ни о чём по-настоящему. А теперь учусь наоборот.

В Москве Дениса знали как гениального пиарщика – остроумного, надёжного, с невероятной способностью превращать серую новость в яркую историю, а неловкое молчание клиента – в цитату на первых полосах. Он умел выстраивать тексты, как джазовые импровизации: с размахом, с чувством, с подыгрыванием реальности. У него были солидные клиенты, проекты, метрики, отчёты.

Но это – тогда, в той шумной Москве, где он жил как будто в прошлой жизни. Здесь всё было по-другому. Утро наступало не по часам, а по свету: солнце пролезало сквозь зелёные ставни, оставляло тёплое пятно на простыне и щеко-тало Денисову щёку, будто говорило: «Ну давай, поднимайся, уже красиво».

Он потягивался, как кот, долго, с удовольствием, потом соскакивал с кровати и босыми ступнями вставал на прохладный деревянный пол. Пахло кофе с веранды – соседка Таня уже готовила себе «американо с видом на джунгли», как она это называла.

Завтрак – папайя, тост с арахисовой пастой и кружка крепкого кофе. Ни спешки, ни новостей. Только Spotify и свежая тетрадка, куда он иногда вносил мысли, которые не вписывались в брифы. Он фиксировал свои осознания: «Слишком много текста, слишком мало смысла, а хочется наоборот», – и всегда ставил восклицательный знак, но потом перечёркивал, потому что не любил кричать даже на бумаге.

Красный байк стоял под деревом, в пыли и листьях, как будто сам был частью острова. Денис закидывал рюкзак на плечо, в котором лежали плавки, зарядка, ноутбук, кедровый браслет и плеер с живой записью The Doors – так, на случай, если вдруг захочется ностальгии.

Он включал зажигание – мотор вздрагивал, рычал по-доброму, и Денис катился вниз, туда, где море.

Пляж в это время был ещё пустой, песок – прохладный, вода – тёплая, как ладонь друга. Денис бросал вещи под пальму и шагал в воду. Нырял, выныривал, переворачивался на спину – и долго смотрел в небо, где плавали облака и чужие мечты.

После купания – кокос у тётушки Пим, которая всегда го-

ворила одно и то же:

– Денис, ты сегодня светишься.

– Потому что у тебя кокосы с волшебством, – смеялся он.

Потом – кафе. Там, где Wi-Fi ловит хуже, чем вдохновение, но хватает, чтобы сдать тексты клиентам. Он садился за любимый столик с видом на дорогу, доставал ноут, писал статьи.

Денис работал с кайфом, друзья рядом, море под боком, всё было в балансе. Но, как это часто бывает, в какой-то момент он вдруг понял, что чего-то не хватает. Причём не драйва, не новых впечатлений, не тусовок. А какого-то обычного, человеческого звучания. Чтобы – не в наушниках, не в потоках новостей и не в чатах, а так, чтобы кто-то рядом – сел, прочитал стих, или песню спел, или выговорился – вслух, по-настоящему.

Именно тогда Руслан – друг, с кем они не раз залипали в разговорах на пляже до утра, – позвал его на первый литературный вечер. Не «посиделки с подушками», не «ламповая встреча у костра», а настоящий вечер – с названием, с микрофоном, со сценой, с ожидаемым «вау» внутри.

Встречи проходили у Руслана на вилле – с видом на море, где ветер путался в шторах, а фонарики создавали настроение, но не мешали звёздам быть главными.

Денис пошёл без особых ожиданий – чистое любопытство, да и Руслан просил. Но остался – потому что это было живое, настоящее, и в нём что-то щёлкнуло. Люди читали стихи так,

будто проговаривали свои сны. Пели под гитару, смеялись, плакали, танцевали босиком в паузах, приносили фрукты и шоколад, и никто не пытался казаться кем-то. Все были собой – в этом и был кайф.

Так он стал ходить туда каждую неделю. Помогал Руслану с афишами – набрасывал от руки какой-нибудь стишок и рисовал свечу или пляж с пальмами. Иногда предлагал темы – «Стихи о дороге», «Голос памяти», «Островная проза». Иногда приносил колонки или микрофон, если старые барахлили. Но чаще лишь сидел и слушал, как будто через других людей нащупывал своё.

Когда Руслан объявил, что уезжает, они сидели в кафе у дороги, и он спросил без прелюдий:

– Возьмёшь?

– Что?

– Вечера. Ну, ты же уже часть этого всего.

Денис удивился.

– А вдруг никто не придёт? – спросил он.

– Придут, – ответил Руслан. – Главное – ты приди.

Первый вечер без Руслана был тревожным. Утром прошёл ливень, и небо до сих пор хмурилось, как будто само волновалось. Пришло человек двадцать – меньше, чем обычно, но больше, чем Денис надеялся. Катя пришла с гитарой и пирогом, какой-то парень из Аргентины читал в микрофон страницы из своего тревожного дневника, девушка из Индонезии читала стихи на двух языках, и даже местный школьник, за-

стенчиво держа телефон, пробормотал в тишине что-то своё.

Денис всё ещё не читал. Он слушал. Сидел у пульта, наливал чай, ловил ритм. Потому что понимал – нужно не спешить. Нужно быть проводником, а не артистом. Позволить звуку прийти самому.

На третий вечер он всё-таки вышел. Не ради понтов, а потому что чувствовал: если не скажет – сдавит внутри. Прочитал Бродского:

Я всегда твердил, что судьба – игра.
Что зачем нам рыба, раз есть икра.
Что готический стиль победит, как школа,
как способность торчать, избежав укола...

Слова шли медленно, будто с песком под языком, но без натуги. В них не было желания казаться, только – быть. Быть настоящим, быть уязвимым, быть тем, кто может проговорить тишину.

И когда он закончил – не было аплодисментов. Была пауза. Люди погрузились в свои мысли, а Катя сказала, не поднимая глаз:

– Слушай, у тебя голос как у Бродского, только... на flip-flop'ах.

Денис рассмеялся и налил всем ещё по чашке имбирного.

С тех пор Денис стал вести вечера. Не как ведущий – как один из. Он делал то, что умел: слушал, организовывал, подправлял звук, напоминал в чатах, поддерживал новичков. Не

продавал идею, не ставил цели – а создавал пространство. А дальше оно жило само.

Люди приходили – кто с листами, кто без. Кто-то читал наизусть, кто-то – скомканно с бумаги. Кто-то плакал. Кто-то смеялся. Кто-то сидел босиком и слушал. Это были не масштабные вечера, не движение, не проект. Это было как чаёк на веранде с другом. Только вместо чая – стихи. Вместо веранды – второй этаж местного кафе.

Остров, будто чувствуя, что родилось что-то живое, отвечал по-своему – ветром, солнцем, новыми людьми.

На Пангане столько пляжей, что кажется, будто сам океан лепил их под настроение: один – для поцелуев на закате, другой – для сёрфинга, третий – чтобы плакать, глядя в горизонт. Но Тан Садет был особенным. Дикий, чуть подзабытый, с крутыми тропами и скалами, которые будто бережно прятали берег от суеты. Здесь любят встречать рассветы – в одиночку, в паре, в молчании, в обнимку с чашкой кофе или с длинным выдохом после бессонной ночи. Денис любил этот пляж давно.

Песок на Тан Садете был мягким, как будто кто-то просеял его сквозь ладони и рассыпал с любовью, море дышало размеренно, глубоко, как живое существо, которое знает всё про прощания и возвращения, но берег... берег в тот день был как будто уставший. Не злой, не запущенный – но грустный. Будто плакал ночью и не успел умыться. Крышечки от бутылок, обрывки рыболовных сетей, палочки от морожено-

го, обломки пластика с надписями на незнакомых языках – всё это лежало разбросанным, как бессвязные обрывки чужих жизней, которые никто не спросил, хотят ли они быть частью этой земли.

Денис в тот день не планировал ничего особенного – он вышел встретить утро. В шлёпанцах, с термосом в руке, где парил имбирный чай, с рюкзаком, в который он обычно клал всё и ничего. Он шёл, прислушиваясь к шороху пальм, смотрел, как просыпается вода, и думал о чём-то своём – неважном, мимолётном, почти прозрачном.

Но вот он ступил на песок и вдруг остановился. Его не остановил мусор сам по себе – нет, он видел его и раньше, здесь и в других местах. Его остановило чувство, как будто кто-то тихо сказал: «Смотри». Не голосом, не словами – ощущением в груди, таким, какое бывает, когда видишь одинокую собаку у дороги или брошенную детскую игрушку под дождём. Не жалость. Не злость. А желание не оставлять как есть.

«Почему мы так делаем? – пронеслось у него в голове. – Почему приходим, берём, любимся, выкладываем фотки, говорим, как здесь красиво, – а уходим, оставляя мусор, будто сердце у нас одноцветное?..»

Денис постоял, потянулся, присел на корточки, развязал мешок, который зачем-то взял с собой, – и начал собирать. Не было внутренней речи в духе «я сейчас сделаю доброе дело». Потому что не смог пройти мимо. Потому что иначе

стало бы не по себе. Потому что остров стал чем-то вроде друга, а друг заслуживает заботы.

В какой-то момент ему даже показалось, что пляж ото-звался. Не волной, не ветром, а чем-то более тонким, как будто перестал плакать. Как будто сказал: «Спасибо, что заметил».

И да, я действительно заметил.

Не удержался. Вы бы тоже не удержались, если бы вам кто-то так ласково подбирал рваные кусочки вашей души прямо с песка.

Ладно, исчезаю. Опять слишком разговорился.

И пока Денис собирал пластиковые крышечки и поломанные зубные щётки, которых почему-то было слишком много, в голове начали рождаться мысли. Он думал о том, как часто люди привозят с собой идею: «я пришёл отдохнуть, а значит, мир мне должен, как та девушка, что я встретил в храме», и как редко кто-то спрашивает, что можно дать в ответ. Он вспоминал, как в детстве мама просила на пляже не бросать фантики и как он тогда не понимал, зачем – ведь всё равно ветер унесёт. А теперь вот сидит на корточках в другой стране, на другом берегу, и собирает то, что унесло ветром из чьей-то небрежности.

Через пару дней к нему подошёл парень в шортах с пучком на голове и улыбкой на пол-лица.

– Бро, помочь?

– Помоги, – кивнул Денис, не вставая.

А потом всё закрутилось.

Сначала мама с дочкой. Девочка собирала крышки и смеялась, если находила розовые. Потом французенка с татуировками на пальцах – она принесла колонку и включила регги. Потом – два йога, которые сначала стояли в планке, а потом помогли затащить мешки. Потом – тайские ребята, туристы из Польши, бабушка из Чиангмая, дед с Пангана, дети, студенты, музыканты, художники. Никто не говорил, как надо. Никто не координировал. Просто приходили. Просто делали.

Так родилось движение по уборке мусора.

Иногда Денис шёл первым. С мешком, с термосом, с улыбкой. Он не был «лидером» – он был как искра, от которой загораются другие. Он не строил стратегий, не читал лекций, лишь был рядом. Пел себе под нос. Придумывал игры для детей: «поймай крышечку по цвету радуги» или «у кого бутылка тяжелее».

А дальше всё разрослось. Через полгода – уже около пятидесяти человек. Кто-то приносил воду. Кто-то – музыкальные колонки. Кто-то проводил йогу до начала. Кто-то делал фотоальбом. Однажды даже парень из Бангкока прислал сто пар перчаток и написал, что давно хотел сделать что-то хорошее. Потом появился Instagram[1]¹-аккаунт, сначала с фотками, потом с историями участников. А потом стали прихо-

¹ Деятельность Meta Platforms Inc. признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

дить сообщения: из Самуи, из Чиангмая, из Малайзии, из Берлина, из Владикавказа – «мы тоже начали чистить свои пляжи».

И в какой-то момент Денис понял, что всё это движение – не про пакеты, не про крышки и даже не про экологию в привычном понимании. Это про внимание. Про то, как тыходишь в пространство и с каким настроением выходишь из него. Про то, что ты не «не мусоришь», а оставляешь после себя что-то – не обязательно материальное: может быть – улыбку, может быть – запах чая, может быть – ощущение, что здесь было хорошо. Это про след и про свет. И про то, что иногда ты можешь оставить оба, – если будешь достаточно чутким.

Так получилось, что каждый вторник в 7:59 утра он уже был на пляже. Не потому, что ставил будильник, не потому, что должен, а потому, что чувствовал – в 8:00 начинается то, ради чего он, возможно, вообще приехал на этот остров. Начинается тишина, наполненная делом.

А потом как-то раз, в один из таких вторников, он сел на песок раньше обычного. Никого ещё не было. Только чайки в стороне, ветер в кронах, да пляж, уставший, но благодарный. Денис смотрел на горизонт, пил свой чай и вдруг поймал себя на мысли: «А что ещё я могу сделать здесь хорошего?» Не ради галочки, не чтобы кому-то что-то доказать, а... от переизбытка. От того самого, что не хочется держать внутри.

Он вспомнил, как в детстве играл с дедом в шахматы. Как

любил эти партии без спешки, где ход был продолжением мысли, а не боем. И вдруг улыбнулся: «А почему бы не сыграть партию прямо на пляже? Под пальмой, на деревянной доске, из камней и кокосов? Ну-ка, дай-ка я попробую...»

Так родилась ещё одна история.

Он поставил маленький складной столик в тени пальмы, вырезал табличку из старой доски: «Шахматы на песке. Играем медленно». И сидел. С ним играли даже дети, которые ещё не знали правил, но делали неожиданные ходы.

Может, это и есть настоящее волонтерство: не когда тебя просят, а когда ты сам вдруг ловишь этот порыв – «а ну-ка, дай-ка я создам». Неважно что.

Денис отдал острову больше, чем время. Он вкладывал в него смех, заботу, внимание к мелочам, нежность – ту самую, которая не афишируется, но ощущается в каждом его действии. Большинство людей приезжают сюда, чтобы что-то получить: любовь, просветление, свободу, внимание. Денис был одним из тех, кто не забирает, а отдает.

И Панган знал – это настоящая связь. А настоящая связь всегда обоюдна. Рано или поздно приходит момент, когда и остров захочет отдать в ответ. Без долга, без условий, потому что иначе не по-честному.

Такой момент настал, когда Денис исчез. Сначала никто ничего не понял – ну уехал и уехал, может, по делам, может, на время.

А я знал.

Я почувствовал это раньше остальных: там, за линией горизонта, у него началась боль. Глубокая, корневая. Та, что растёт не из обиды, а из любви, когда та встречается с утратой.

Отец Дениса болел тяжело, и он поехал домой – не навещать, а быть рядом. Жить рядом. Смотреть в глаза, держать за руку, говорить простые вещи, от которых внутри сжимается всё, потому что знаешь: это в последний раз.

И когда всё закончилось – когда земля уплотнилась над свежей могилой, когда голоса стихли и все разъехались, – Денис остался один. Усталый, осиротевший, будто часть его корней выдернули с мясом. Но где-то внутри уже тлел зов.

Денис чувствовал, что я зову его. И я правда звал – тихо, как зовут того, кто был и остаётся своим. Я шептал ему сквозь сны: длинными берегами, медленными лодками, полосами закатов, которые текут по щекам, даже когда глаза остаются сухими. Я не говорил: «Возвращайся». Я просто звал – так же, как море зовёт тех, кто однажды в нём растворился.

Но Панган был закрыт. Мир застыл в странной паузе, города и страны захлопнулись, как створки устриц, и даже самые лёгкие на подъём люди не могли пересечь границу. Всё замерло. Вирус, карантин, бумажки, запреты – для кого-то это были неудобства, но для острова это был ком в горле, невозможность дышать, невозможность быть с тем, кого зовёшь.

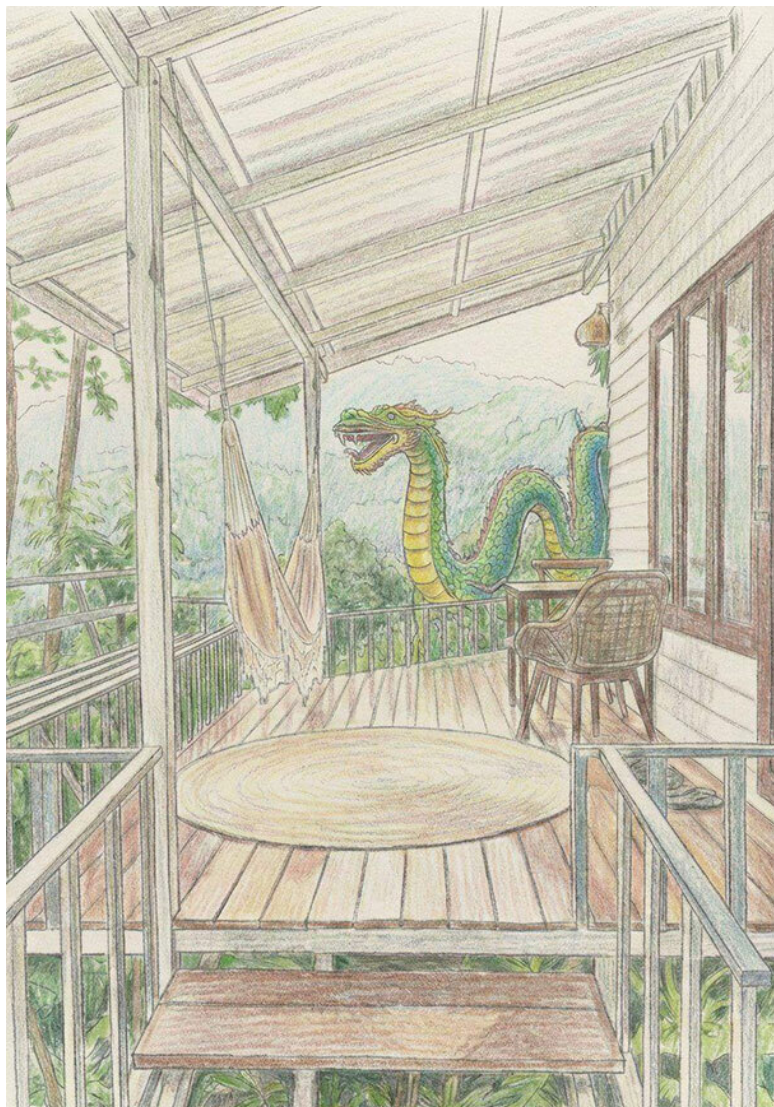
Денис хотел вернуться. Панган это чувствовал, как чувствовал прилив – сначала на глубине, потом в песке, потом в собственном дыхании. Он знал: этот человек найдёт способ.

И нашёлся человек. Женщина с побережья, юрист по профессии, а по духу – волонтер с душой чистой, как морской рассвет. Когда-то она собирала крышки вместе с Денисом по утрам. Теперь она писала письма, заполняла формы, звонила, убеждала, добивалась. В итоге – разрешение.

Три пересадки, маски, санитайзеры, проверки, слёзы в аэропорту и замирающее сердце при каждом объявлении – и вот, самолёт снижается. Колёса цепляются за взлётку Самуи. Байк, паром, последний прыжок через волну – и Денис снова на Пангане.

Я приготовился к приезду Дениса. Прибрал пляжи, загладил следы. Заставил море быть чуть тише, цикад – чуть мягче. Чтобы он вошёл в меня, как входит в тёплый дом после долгой дороги. Чтобы каждая тропинка сказала: «Ты дома». Чтобы ветер обнял за плечи, а пальмы чуть склонились в знак приветствия.

Но история Дениса – это только одна из моих историй. И пока он возвращал себе тишину, в другом конце острова уже бродила Катя. Катя – девчонка с глазами, в которых то ли космос, то ли полный бардак, а может, и то и другое сразу. С ней у меня – совсем другая история.

Глава 2

О, Dragon Soul...

Они называют тебя ретритом, а я называю «тихим островным шаманством на минималках», но с видом получше, чем у Будды в храме.

Я, Панган, обычно терпеливо сношу ваши фестивали с флуоресцентными трусами, полнолуние с колонками в песке и байки, летящие под дождём, будто срочная доставка осознания. Но когда вы приходите сюда, в Dragon Soul, я выдыхаю вместе с вами. Наконец-то хоть кто-то не врывается, а входит. По-тихому, босиком, с термосом чая и тетрадкой, в которую записывают не списки задач, а сны.

Место, где я сам замираю на вдохе. Где мои деревья будто выпрямляют спины, а стрекозы начинают летать не как попало, а с таким тайским дзенем, что хоть на обложку глянца. Там, высоко в горах, почти на облаке, стоит этот ретритный центр – не просто строение, а как будто портал, ведущий в версию себя без суеты и лишнего шума.

И вот представь: я, остров, лежу себе, греюсь на солнышке, волны мне массируют спину, ветерок – как обнимашка старого друга. А там, на высоте почти пятисот метров, женщины в льняных штанах делают «привет солнцу». Кто-то медитирует, сидя на деревянной площадке с видом на джунгли, кто-то ест салат, в котором больше света, чем калорий, кто-

то качается в гамаке, как будто всё, что было важно, – утонуло где-то в прошлой жизни. А я смотрю на них и думаю: «Ну наконец-то вы поняли, для чего я вообще есть».

Люди приходят ко мне уставшими, с чемоданами, в которых больше тревог, чем купальников. А через три дня в Dragon Soul – уже в белых накидках, с мокрыми волосами после водопада и улыбкой, как будто кто-то впервые разрешил им дышать полной грудью. Там не лечат – там размагничивают. Там француз готовит так, будто мишленовскую звезду можно получить прямо в джунглях. Йога-шала – как храм, только без догм. Смотровая площадка – такой вид, что даже мои облака останавливаются и забывают, куда летели. А если пройти чуть в сторону – водопад, шумящий так, как будто он влюблён в утро. Люди тут влюбляются тоже – в себя, в жизнь, в эту невозможную естественность. А я, честно сказать, люблюсь ими.

И вот среди всей этой нежности – Катя. Она, конечно, не такая, как все Кати. Она как будто материализовалась из журнала по осознанному дыханию, где все героини с прямой спиной, прозрачным взглядом и историей, в которой обязательно был кризис, а теперь вот – свет. Катя не кричала о себе, не хлопала кармой по плечу, не раздавала советов, хотя знала их больше, чем любая тётя из Телеграма. Пришла, присела, посмотрела вдаль – и приросла.

На ней – алое платье, будто ткань его втянула жар острова, и кольцо, которое выглядит не как украшение, а как заклин-

нение. И когда Катя поворачивает голову, ты видишь глаза. Прозрачные, как вода у северного берега. Спокойные, как тишина до грозы. В этих глазах нет «посмотри на меня», зато есть – «я вижу тебя».

Она улыбается – и на секунду кажется, что за спиной у неё открывается портал. Что вся эта веранда, покрытая тканью с отпечатками солнца, становится лодкой, и мы плывём.

Катя не позирует. Катя есть. Своевременная, как вдох. Мягкая, как кожа дракона, который уже не воет. В ней – глубина. Я сразу понял: эту стоит послушать. Не перебивать, не тормозить. Подставить ей тишину – пусть скажет, что в ней накопилось. Потому что у Кати – особенный тембр. Такой, от которого даже листья на деревьях немного замедляют фотосинтез, чтобы не шуметь.

Катя

В прошлой жизни у Кати был Нью-Йорк. Только не тот, что с открыток – с рассветами на Бруклинском мосту и кофе в картонном стакане, – а тот, где по утрам улицы дышат парами горячего мусора, метро воет, как раненый зверь, а люди идут, не замечая, что давно не живут. Катя там оказалась случайно. Или не совсем случайно – просто однажды Вселенная подкинула ей билет и она сказала «да». Как всегда. Она говорила «да» всему, что случалось, – людям, городам, идеям. Даже если не знала зачем. Даже если это был Нью-

Йорк.

Она жила не по календарю, а по луне. Но календарь всё равно стоял у неё в телефоне, потому что так надо. В какие-то дни она делала массаж актрисе с тревожным смехом, в другие – варила кактус в огромной кастрюле на заднем дворе и помогала мужу встречать тех, кто искал нечто большее, чем таблетки от депрессии.

Муж... Ах, он был красив, бесстыдно красив, почти болезненно – как произведение искусства, к которому не стоит подходить слишком близко. Голливудская внешность, харизма на экспорт, тонкий нос и слишком лёгкая походка. И в то же время – словно вулкан, всегда на грани. То нежный и лучистый, то разносил комнату одной фразой. Она никогда не знала, кто вернётся вечером: тот, кто поцелует её в лоб и спросит, как прошёл день, или тот, кто начнёт говорить быстро, резко, в темпе торнадо, обвиняя её во всех грехах от гибели Вселенной до подгоревших макарон.

Абьюз был не контрастным кадром, а мягкой серой пеленой, в которой исчезала она сама. Катя жила с мужем, который одновременно был главной драмой её жизни.

Он первым принес в их дом практики. Сначала это выглядело красиво: свечи, мягкие ковры, запах шалфея, чаши с чаем, слова о «переходах» и «новом уровне». Он читал книги шаманов, привозил экстракты, приглашал людей. Катя помогала ему, потому что у неё всегда была такая привычка – помогать. Расставляла подушки, заваривала травы, встреча-

ла гостей, слушала их тревожные шепоты, гладила их руки, пока муж готовил напиток.

Катя долго думала, что будет только наблюдать. Но однажды он подошёл к ней после очередной церемонии, взял за запястье, мягко, но так, что не вырвешься, и сказал:

– Ты сама должна пройти это. Только так поймёшь.

Айяуаска пахла горько, как лес после дождя. Катя пила её с закрытыми глазами, с таким страхом, как будто делает шаг в бездну. Сначала ничего. Потом – поток. Внутри открылся люк, а за ним – лица, воспоминания, забытые звуки. Пульс стучал, как барабан, а позвоночник становился дорогой, по которой кто-то ходил босыми ногами. Она лежала на боку, шептала, что устала, а духи, которых муж называл своими союзниками, будто держали её за руки. Под утро муж склонился к ней и сказал:

– Ты прошла. Теперь возвращайся.

Следующей была камбо. Утро. Домик на окраине Нью-Джерси, ковры, музыка с Амазонки. Муж выжег ей на плече маленькие точки – круглые, как ожоги от звёзд, и капнул туда прозрачный сок лягушки. Через минуту Катя поняла, что у неё исчезли привычные границы: жар, дрожь, пот, рвота, гул в ушах. Всё выходило из неё – еда, страх, гордость. Она сидела на полу, с растрёпанными волосами, вся в слизи и следах, но впервые за долгие месяцы чувствовала, что дышит.

– Это было ужасно, – сказала она, пытаясь улыбнуться.

– Это было честно, – ответил он. – Сегодня ты была на-

стоящей.

А потом – буфо. Муж привёз порошок из Мексики, рассказывал, что это «портал». Катя долго отнекивалась, но однажды увидела лицо одного мужчины после церемонии – он сидел на ковре,пил воду, и в его глазах был такой покой, что она спросила:

– Это после?

– Это изнутри, – ответил он.

Один вдох. И всё исчезло. Ни пола, ни тела, ни времени, ни Кати. Только свет, который пел внутри неё на языке, которого она не знала, но всегда помнила. Только ощущение, что она – не роль, не жена, не функция. А часть чего-то огромного. Когда она открыла глаза, трава под щекой пахла молоком, небо звенело, а сердце шептало: «Спасибо». Она лежала и плакала – за всё. За то, что осталась. За то, что вернулась. За то, что вспомнила, кто она есть.

С того момента практики перестали быть для неё «методом». Это стало воздухом, без которого она не могла жить. Катя долго училась, медленно входила в ритуалы, соблюдая все правила и традиции. И в какой-то момент сама начала вести церемонии. К ней приходили по наитию. Приходили врачи, продюсеры, бывшие военные, йоги, матери. И каждый – уходил с чем-то своим. С болью, вытекшей слезами. С телом, которое снова дышит. С памятью, которую удалось перепрожить.

Катя не называла себя шаманкой. Она незамысловато де-

лала то, что чувствовала. Подбирала слова. Зажигала свечи. Держала за руку.

И однажды, когда внутри всё стало невозможно тихо и в то же время слишком громко, она открыла карту, провела пальцем – и остановилась на Пангане.

«А почему бы и нет?» – сказала она себе.

– Это странно, – сказал он. – У нас же марафон. Его надо допилить. Отзывы, воронка, упаковка.

А она уже собирала рюкзак.

– Ты куда? – спросил он.

– Дышать, – ответила она.

Она уехала. Без обид. Без сцен. Выбрала себя.

Катя прилетела на Панган в самом начале 2020-го. Мир уже дрожал на границе нового времени, но ещё делал вид, что всё под контролем.

Границы вот-вот должны были захлопнуться. Новости наполнились словом «вирус», аэропорты – тишиной, в которой даже объявление рейсов звучало как-то слишком громко. Самолёт был почти пустым, а воздух в салоне – густым, как бульон из тревоги, дезинфектора и чужих мыслей.

Катя шла по трапу босиком – не потому, что хотела устроить себе киношный момент, а потому, что забыла надеть обувь. Всё внутри неё было расстёгнуто – нервы, планы, прошлое. И шаги были почти беззвучными, как будто не она шла – а шло что-то от её имени.

Я тогда специально умолк.

Иногда вам, людям, нужно войти в свою историю без моих комментариев, чтобы услышать – не меня, а себя. Так было и с ней.

Но с каждым шагом вглубь острова в ней поднималось что-то живое. Не громкое, не триумфальное – а тихое, настоящее. Словно тело вспоминало себя заново.

Я встретил её почти строго.

Ливень хлестал по крыше, цикады орали, как будто соревновались с громом, в небе гуляли рваные тучи, и казалось, что весь остров – это чья-то больная грудная клетка, в которую попала гроза.

Да, я умею быть таким. Иногда это единственный язык, на котором можно поговорить по-честному.

В первые дни она сняла бунгало на холме – с бамбуковыми стенами, дыркой в крыше и розеткой, которая трещала при каждом включении чайника. В комнате пахло плесенью, древесиной и свободой.

Катя лежала в гамаке, пила дешевый кофе из пластиковой кружки и чувствовала, как внутри неё расстёгивается та самая молния, которую она годами держала застёгнутой.

Когда начался локдаун – она уже была внутри. Не только на острове, но и в себе.

Мир замер. Люди прятались, границы схлопнулись, страны ставили на паузу целые индустрии, а Катя впервые за долгое время не пряталась. Она шла вглубь.

Катя не знала, зачем она здесь. И не хотела знать. Она про-

сто была. Смотрела на море. Спала под шорох дождя. Знала имена всех собак на соседней улице.

Интернет стал тонкой пуповиной с внешним миром. Деньги – переменной, про которую она старалась не думать. Было ощущение, что если она останется честной с собой – Вселенная как-нибудь всё решит.

Так началась её новая жизнь. Без плана. Без карты. Без объяснений.

– Может, это и есть дом? – вслух сказала Катя, глядя на пальмы, качающиеся за окном.

Катя сняла бунгало на холме – не потому, что выбрала, а потому, что первое, на которое наткнулась, показалось ей «с улыбкой». Маленький деревянный домик, с душем из ковшика, с кухней под навесом, где по вечерам собирались гекконы, а по утрам её будили такие птицы, которых она даже не пыталась запомнить по именам. Катя никогда не умела правильно жить – зато умела слышать. И остров она услышала сразу: здесь не надо торопиться, не надо притворяться, не надо быть «нормальной». Здесь можно было быть собой – и этого хватало.

С утра Катя открывала глаза от солнца, скользящего по её щеке, вставала босиком, не надевала обувь, потому что «земля должна чувствовать тебя». На кухне под навесом она растирала пальцами свежие травы, заваривала чай с лимонной травой и кардамоном, шептала что-то в кружку – «чтобы день был добрым» – и смеялась. Потом гуляла без карты,

следуя за светом между листьями, находила тропинки, которых не было накануне, и возвращалась с охапкой банановых листьев или камнями странной формы, которые «просили быть взятыми».

Днём она могла лечь на гамак и разговаривать с облаками, пересчитывать ящериц на потолке или внезапно вскакивать, чтобы танцевать под ливень, распуская волосы и разбрасывая по ветру лепестки цветов. В соседнем кафе она могла оставить последние деньги за незнакомого туриста, «потому что у него глаза усталые». Если у кого-то болела спина, она прикладывала ладонь и дышала рядом – без слов, без обещаний. Люди потом говорили, что им стало легче. Катя только смеялась и говорила: «Это остров, не я».

По вечерам, когда дождь шёл стеной, она собирала свечи в кружок на полу, садилась и молчала, слушая, как гудят цикады. Иногда к ней приходили – без приглашения, просто садились рядом. Кто-то плакал, кто-то молчал. Она могла протянуть руку, провести пальцами по воздуху и сказать: «Дыши. Вот так. Всё уже случилось».

Катя не искала церемоний. Но когда кто-то звал – шла. Когда нужно было остаться – оставалась. На рассвете могла ехать на старом мопеде через весь остров в платье с пайетками, чтобы поддержать чью-то руку на ритуале. Могла отдать последнюю купюру девочке, продающей цветы, и улыбнуться, будто это было не пожертвование, а обмен энергией.

Катя жила, как будто мир сам ведёт её, – и это было вид-

но во всём: в босых ногах, в траве, застрявшей в волосах, в блёстках на плечах, в том, как она смотрела на людей – будто знала их давно, будто они были её частью. Остров отвечал взаимностью: в нужный момент приносил ей нужных людей, открывал нужные двери, подсказывал, когда сворачивать.

И люди начали приходить. Не потому, что у неё был прайс, диплом или сайт. А потому, что рядом с ней становилось легче. Они садились рядом, молчали, плакали, делились чем-то своим, а она не уходила. Прикладывала ладонь к спине, дышала в такт, смотрела в глаза – и ничего не объясняла. Только позволяла быть. И это работало.

– Ты лечишь, даже когда не знаешь, – сказал как-то Том, американец с хриплым голосом, седыми дредами и глазами, в которых жили океаны. Он прошёл с ней несколько церемоний, а потом как-то утром подошёл, протянул телефон и спросил:

– У тебя есть PayPal?

Катя подняла брови:

– Это что-то серьёзное?

– Я буду переводить тебе по две тысячи в месяц. Потому что ты есть. Ты нужна этому месту.

– Но у меня нет проекта... я не знаю, куда это направить... – смутилась она, поправляя на себе старую рубашку, в которой когда-то спала под звёздами в Нью-Йорке.

Том улыбнулся:

– У тебя уже есть сердце. А оно направит.

Ей казалось, что это какой-то тест – за деньгами всегда следуют условия. Но Том ничего не просил. Он переводил – и всё. А она однажды проснулась под шум пальм, заварила себе чай и впервые позволила себе почувствовать: принимать – это тоже доверие. Это тоже путь.

А потом был тот вечер. Ритуал уже закончился, все разошлись, и Катя, укрытая пледом, сидела у костра, чувствуя, как внутри гудит покой. Она не просила – она прошептала:
– Я хочу своё пространство.

Шаман, который будто уже растворился в темноте, вдруг обернулся, посмотрел ей прямо в глаза и тихо сказал:
– Тогда оно найдёт тебя.

Через полгода пришла смерть. Не её, но близко. Муж, с которым их давно связывали только воспоминание о любви и неоформленный развод, умер в Штатах. Катя не плакала сразу. Она заварила какао, села на веранде, развернула письмо от нотариуса и замерла: он оставил ей всё. Как будто он знал. Как будто попросил прощения так, как умел – деньгами, после смерти.

И почти в тот же день зазвонил телефон. Голос был мягкий, незнакомый:

– Катя? Есть место на продаже. Ретритный центр. Мы чувствуем – он ждёт тебя.

– Почему меня?

– Потому что ты давно уже здесь. Но забыла об этом.

Катя не спорила. Она никогда не спорила с тем, что при-

ходило из ниоткуда. Она закрыла глаза, сделала вдох – и в её голове всплыли драконы. Они всегда снились ей в детстве. Большие, мудрые, светящиеся изнутри. Она усмехнулась:

– Ладно, идём.

И да, это я кивнул. Не удержался.

Редко кто слышит мои сигналы так точно, поэтому я позволил себе небольшой жест – почти незаметный, но очень настоящий.

Так родился Dragon Soul.

Всё складывалось не по плану – а по ощущению. Случайности казались знаками, а странности – подтверждением, что всё идёт как надо. Первым, кто появился рядом, был Мэтт – молчаливый американец с руками как у мастера по глине. Он жил в соседнем домике и подошёл, когда Катя мыла пол в зале, ещё пустом, только-только очищенном от прошлого. В воздухе витал запах сандала, лавандовой воды, пол блестел от влаги, свечи стояли на подоконниках, и тишина в этом пространстве казалась плотной, как ткань.

– Ты что-то открываешь? – спросил он, едва касаясь носком сандалии упавшего листа.

Катя на секунду задумалась и ответила:

– Скорее, вспоминаю. Что-то своё, что было ещё до всего. До суеты, до офисов, до цифр.

Он только кивнул. Ничего больше не сказал. Но на следующее утро принёс странный инструмент – тяжёлый, металлический, с выгравированным драконом на поверхности. Он

напоминал ханг, но звучал иначе. Мэтт поставил его на веранду и сказал только одно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.